

РАЗДЕЛ III Трибуна молодого ученого

О ПРОБЛЕМЕ ТРАДИЦИОННОГО ПОДХОДА К СОДЕРЖАНИЮ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

Гладкая Екатерина Николаевна, магистр юридических наук, старший преподаватель кафедры адвокатуры, аспирант кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО», г. Минск

Научный руководитель: *Маньковский Игорь Александрович*, кандидат юридических наук, доцент, начальник центра частноправовых и социально-экономических исследований НИИ ТиСО Международного университета «МИТСО», г. Минск

Аннотация: в статье автор приходит к выводу о необходимости изменения традиционного подхода к содержанию права собственности, что обусловлено развитием гражданско-правовых отношений в условиях становления информационного общества и цифровой экономики.

Формирование нового подхода к определению совокупности правомочий собственника автору представляется возможным при использовании отдельных положений теории расщепленной собственности с учетом положительного опыта некоторых европейских стран и стран североамериканского континента.

Отдельного внимания, по мнению автора, заслуживает опыт развития отношений доверительного управления в Республике Казахстан.

The summary: in the article the author comes to a conclusion about the need to change the traditional approach to the content of property rights, which is due to the development of civil-law relations in the conditions of the formation of the information society and the digital economy.

The formation of a new approach to determining the totality of the owner's rights to the author is possible with the use of separate provisions in the theory of split property, taking into account the positive experience of some European countries and countries of the North American continent.

Special attention, according to the author, deserves the experience of developing trust management relations in the Republic of Kazakhstan.

Поступила в редакцию 02.05.2018

Введение

Понятие «право собственности» традиционно дается через совокупность правомочий собственника: владение, пользование, распоря-

жение. По нашему мнению, такой подход давно устарел, а само понятие «право собственности» требует детальной проработки.

Основной контент

Традиция характеризовать право собственности через триаду правомочий собственника зародилась достаточно давно. Так, через правомочия владения, пользования и распоряжения понятие «право собственности» впервые было сформулировано в 1813 г. В. Г. Кукольниковом, а чуть позже (в 1832 г.) такое определение нашло свое закрепление в законодательстве [1, с. 105–106].

Следует отметить, что теория о триаде правомочий собственника подвергалась серьезной критике со стороны ученых разных периодов. Так, А. В. Венедиктов в своем труде «Государственная социалистическая собственность» предложил заменить привычную триаду правомочий собственника на понятие «использование» [2, с. 34]. Ю. К. Толстой, критикуя такую позицию, указывал, что правомочия владения, пользования и распоряжения полнее раскрывают сущность права собственности, а понятие «использование» само нуждается в толковании [3, с. 55].

К слову, сам А. В. Венедиктов, отмечал, что не просто «использование» характеризует объем правомочий собственника в отношении принадлежащего ему имущества, а «использование» собственником такого имущества своей властью и в своем интересе [2, с. 60].

Не являясь сторонником применения понятия «использование» в отношении определения круга правомочий собственника, О. С. Иоффе соглашался с тем, что осуществление триады правомочий собственником своей властью и в своих интересах позволяет отграничить право собственности от иных смежных имущественных правоотношений по юридическому содержанию [4, с. 365].

Ученые постсоветского периода: С. С. Алексеев, В. А. Белов, В. А. Витушко, И. А. Маньковский, Е. А. Суханов, отвечая на вопрос о содержании права собственности или правомочиях собственника, называют классическую триаду правомочий: владение, пользование и распоряжение. Думается, что это происходит по причине следования ими за предписаниями гражданского законодательства. Данный вывод обусловлен тем, что в авторских формулировках понятия «право собственности» вышеназванных ученых мы не находим упоминания об указанных правомочиях.

Так, по мнению И. А. Маньковского, «право собственности в объективном смысле представляет собой совокупность правовых норм, посредством которых государство регулирует общественные отношения, возникающие между субъектами гражданского права в процессе

использования принадлежащего им имущества; в субъективном смысле право собственности – это совокупность правомочий собственника, принадлежащих непосредственно участвующему в абсолютном вещном правоотношении управомоченному лицу, позволяющих ему осуществлять в отношении своего имущества любые не противоречащие нормам права действия экономического и юридического характера, а также требовать от других (обязанных) лиц воздерживаться от совершения действий, препятствующих осуществлению управомоченным лицом принадлежащих ему правомочий» [8, с. 58]. Следует отметить, что, упоминая о правомочиях собственника, И. А. Маньковский не детализирует их.

Согласно точке зрения Е. А. Суханова, «право собственности в объективном смысле представляет собой комплексный (многоотраслевой) институт права, в котором, однако, преобладающее место занимают гражданско-правовые нормы. Эти последние в совокупности охватываются понятием права собственности как гражданско-правового института, входящего в общую, единую систему гражданско-правовых норм» [9, с. 27]. В субъективном смысле Е. А. Суханов определяет право собственности как «возможность определенного поведения, дозволенного законом управомоченному лицу» [9, с. 27].

Таким образом, используя разные подходы к определению права собственности, И. А. Маньковский и Е. А. Суханов сходятся в одном: в субъективном смысле право собственности – это мера возможного поведения (набор правомочий) собственника в отношении принадлежащего ему имущества. Следует отметить, что прямо классическая триада правомочий собственника в приведенных определениях не упоминается, что позволяет сделать вывод о возможности применения их в неизменном виде, по причине согласия с ними автора, при доказывании позиции о необходимости смены подхода к определению правомочий собственника.

Отдельные ученые постсоветского периода выступают с резкой критикой классической триады правомочий собственника.

Например, Л. В. Щенникова отмечает, что и ст. 58 Гражданского кодекса 1922 г., и ст. 92 Гражданского кодекса 1964 г. закрепляли понимание собственности через принадлежность собственнику правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом в пределах, установленных законом. Таким образом, законодатель советского периода, сформулировав задачу перечислить правомочия собственника, ограничился классической триадой. «В результате мы не имели ни развернутого перечня правомочий собственника, ни дефиниции субъективного права собственности. Триада стала своеобразным знаменем,

стереотипом, заменившим научную дефиницию» [10, с. 114]. Таким образом, причины недостатков современного законодательного подхода Л. В. Щенникова видит в заимствовании триады из исторического законодательного прошлого и помещения ее в п. 1 ст. 209 Гражданского кодекса Российской Федерации, что в свою очередь, по ее мнению, уводит от сути категории, выраженной в п. 2 указанной статьи, т. е. перечня возможных действий собственника [10, с. 118]. По мнению Л. В. Щенниковой, право собственности в субъективном смысле – это право конкретного лица на вещь [10, с. 104].

Следует отметить, что ГК Беларуси не содержит определения права собственности. Более того, при анализе нормативных правовых актов, содержащих положения о праве собственности, было выявлено, что только Модельный закон «О праве собственности и его защите», принятый Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 17 мая 2012 г. № 37-9 содержит определение понятия «право собственности». Согласно п. 1 ст. 1 данного Закона право собственности является правом абсолютного господства над вещью и представляет собой совокупность правомочий по владению, пользованию и распоряжению. На наш взгляд, такое определение права собственности не отражает в полной мере сущности данного права, но тем не менее является попыткой устранения пробелов в законодательстве о праве собственности государств – участников Содружества Независимых Государств.

О невозможности сведения правомочий собственника к «триаде» правомочий также свидетельствует наличие теории так называемой расщепленной собственности (в отдельных источниках – «разделенной собственности»), широко распространенной в англо-саксонском вещном праве.

Сам термин «расщепленная собственность» был введен в XII в. болонской школой глоссаторов. Таким образом, допускалось расщепление права собственности между несколькими лицами в отношении одной и той же вещи. Объем правомочий каждого из них определялся в зависимости от вида имущества.

Как указывает В. А. Витушко, «расщепление правомочий нескольких лиц на одну вещь юридически проистекает из того, что классическая триада правомочий собственника, включая владение, пользование и распоряжение, не является мономерной. Эти правомочия распадаются на свои более мелкие правомочия» [12, с. 46].

Так, согласно положениям англосаксонского вещного права, к числу классических правомочий собственника следует отнести право:

– владения, т. е. право исключительного физического контроля (гос-

подства) над вещью;

- личного использования вещи;
- управления, позволяющее определять субъекта и способ использования вещи;
- на получение доходов от вещи самим собственником или предоставление такого права (его части) другим лицам, собственникам этого права;
- на отчуждение, уничтожение, переработку, потребление всей вещи путем ее спецификации;
- на капитальную и остаточную стоимость вещи;
- на безопасность, гарантирующее отизыятия (экспроприации) вещи;
- на передачу вещи третьим лицам;
- на наследование вещи по закону или по завещанию;
- запрещать использование вещи опасным или вредным способом;
- на вещь как на объект удовлетворения своего имущественного интереса по долгам контрагента;
- на бессрочное обладание вещью, если иное не предусмотрено в договоре о передаче прав собственности;
- пассивное право ожидания возврата вещи, по истечении установленного договором срока пользования ею другим лицом либо в силу отпадения иных оснований пользования вещью или правом на вещь [13, с. 13–14].

Обратим внимание на то, что правомочия собственника, указанные выше, могут расщепляться на более узкие, а их совокупности, так называемые пучки правомочий [12, с. 48], образуют для лица самостоятельное право собственности.

Юридически обеспеченная возможность перераспределения указанных правомочий среди нескольких лиц способствует удовлетворению потребностей последних в ожидаемом объеме в отношении конкретной отдельно взятой вещи.

Необходимо отметить, что вышеуказанные правомочия собственника, закрепленные в англо-саксонском вещном праве, можно объединить в три правомочия классической «триады». Так, право личного использования вещи и право на получение доходов от вещи самим собственником – в правомочие «пользование»; право на передачу вещи третьим лицам и право на отчуждение, уничтожение, переработку, потребление всей вещи путем ее спецификации – в правомочие «распоряжение» и т. д.

Таким образом, классическая теория о «расщепленной собственности» свидетельствует о том, что привычные нам владение, пользование и распоряжение как правомочия собственника в свою очередь распа-

даются на много больший набор правомочий, совокупности которых могут образовывать право собственности иных субъектов гражданского права в отношении исходного объекта.

Представители российской цивилистической науки несколько иначе трактуют положения о «расщепленной собственности».

Так, по мнению А. А. Куликовой, правовой формой расщепленной собственности является право оперативного управления [14, с. 91], из чего можно сделать вывод, что автор придерживается точки зрения о том, что на основании расщепления правомочий собственника возникает не право собственности иного субъекта на исходный объект, как в классической теории, а ограниченное вещное право, в частности право оперативного управления, на которое указывает А. И. Макушева [15, с. 169].

Исследуя систему вещных прав, предусмотренную проектом Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации», О. В. Аксенова приходит к выводу о том, что право застройки и право постоянного землевладения, наряду с правом оперативного управления, следует считать примерами разделенной собственности [16, с. 17].

По мнению Д. В. Петрова, «законодатель, по сути, через “хозяйственное ведение” и “оперативное управление” сконструировал иное право собственности, “собственность” с иным (меньшим) объемом правомочий, но “собственность”, не переставшую выполнять свое основное предназначение – предоставлять возможность выступать в качестве субъекта права, т. е. в качестве реалити, способной в первую очередь иметь собственное имущество...» [17, с. 124].

Таким образом, обобщить точки зрения вышеназванных ученых о концепции расщепленной (разделенной) собственности можно словами того же Д. В. Петрова: «вся специфика российской ситуации заключается в том, что в России законодатель счел возможным дать исследуемым правам (имеются в виду право хозяйственного ведения и право оперативного управления. – *Примеч. авт.*) отдельное наименование, в то время как в Европе аналогичные наборы правомочий, как правило, называются правом собственности» [17, с. 125].

Следует отметить, что, несмотря на достаточное количество сторонников отождествления отдельных ограниченных вещных прав с формами разделенной собственности, большинство российских ученых-цивилистов считают теорию расщепленной собственности чуждой для гражданского законодательства Российской Федерации.

Так, по мнению Е. А. Суханова, «...встречающиеся время от времени в современной отечественной литературе призывы к признанию различных “сложноструктурных” и иных ”моделей права собственности”, призванных заменить “господствующую элементарную модель” данного права, следует решительно отвергнуть как игнорирующие исторически сложившуюся и общепринятую в европейском континентальном праве категорию вещных прав...» [18, с. 44]. Более того, ученый считает, что «...не менее последовательно необходимо отвергать и попытки навязывания современному российскому законодательству категории “прав собственности”, основанные на очевидном заимствовании чужеродных для него англо-американских конструкций и также принципиально игнорирующие наличие и юридическую природу вещных прав...» [18, с. 44].

Л. В. Щенникова, не высказываясь против «расщепленной собственности», прямо указывает на то, что российская цивилистика стоит на позициях ее отрицания [10, с. 157].

Д. А. Малиновский считает, что «модель “разделенной” собственности <...> была справедливо признана неподходящей для использования в отечественном правовом порядке» [19, с. 90].

Наконец, следует отметить, что цивилистическая доктрина советского периода также не признавала идеи «расщепленной собственности». Так, А. В. Венедиктов в научном труде «Государственная социалистическая собственность» подобные теории называл «извращениями» [2, с. 319].

Интересно отметить, что единственной страной на постсоветском пространстве, где была реализована, но в несколько видоизмененном виде, идея «расщепленной (разделенной) собственности», стала Латвийская Республика. Формирование разделенной собственности на недвижимость в Латвии описано в труде Т. Тамбовцевой и Р. Мускате [20].

Именно в Латвии после получения страной независимости с целью устранения недостатков предыдущего режима была проведена земельная реформа, в рамках которой граждане получили возможность приобретать в собственность земли, иное недвижимое имущество, в том числе возвращать денационализированные здания.

Указанная земельная реформа основывалась на принципах разделенной собственности. Так, приобретение квартиры не предполагало перехода в собственность земельного участка, на котором находился жилой дом. Таким образом, владельцы квартир были обременены обязанностью по уплате арендной платы собственнику земельного участка.

Согласно положениям земельной реформы бывшие владельцы земли или их наследники могли восстановить право собственности на

землю в исторических границах, в том числе в отношении того земельного участка, на котором находились здания, принадлежащие другому лицу.

Более того, в рамках реформы предоставлялось право получения земельного участка в пользование, а также проводилась комплексная приватизация государственного и муниципального имущества.

Конфликт интересов, который в таком случае неотвратимо возникал, был решен путем введения «принудительной аренды».

Так, было установлено, что размер «принудительной аренды» может устанавливаться по соглашению сторон, а в его отсутствие определяется в виде процентного соотношения, установленного законом, к кадастровой стоимости земельного участка. Увеличение кадастровой стоимости земельного участка, налога на землю и арендной платы наоборот влечет за собой обострение отношений между участниками разделенной собственности. Складывающаяся ситуация негативным образом отражается на развитии гражданско-правовых отношений, что ни раз отмечалось политическими деятелями Латвийской Республики [20, с. 242].

Таким образом, применение расщепленной собственности, пусть даже в несколько видоизмененном виде, на территории Латвии себя не оправдало. Более того, подготовлен законопроект «О расторжении правовых отношений разделенной собственности в многоквартирных жилых домах», целью которого является прекращение разделенной собственности.

Причинами такого категоричного непринятия положений «расщепленной собственности» континентальной системой права можно назвать различные обстоятельства. А. Д. Топская к ним относит основание ее возникновения [21, с. 557]. Например, в средневековой Англии в условиях законодательных ограничений и запретов расщепленная собственность появилась благодаря необходимости сокрытия реального собственника.

К иным причинам следует отнести различное понимание природы права собственности. Так, собственник в континентальной системе права – это лицо, обладающее всеми правомочиями на принадлежащее ему имущество, что прямо противоречит положениям модели «расщепленной собственности», где правомочия собственника могут быть разделены между несколькими лицами в объеме, предусмотренном соглашением между ними. Согласно положениям все той же «расщепленной собственности» правом собственности на одну и ту же вещь могут обладать несколько лиц, что возможно благодаря так называемой доверительной собственности, или трасту. Следует отметить, что

это нетождественно понятию «общая собственность», используемому в континентальной системе права.

Обратим внимание и на то, что право собственности в континентальной системе права – право бессрочное, в отличие от англо-саксонской, где право собственности может носить временный характер. К слову, допустимость временного характера права собственности обусловлена наличием развитой системы средств защиты прав «временного» собственника, которой нет в континентальной правовой системе.

Еще одной причиной невозможности введения «расщепленной собственности», основанной на трасте, даже в законодательство Республики Беларусь является особый доверительный характер таких отношений. Как справедливо отмечает В. А. Витушко, «у нас нет тех правовых и культурологических традиций, которые необходимы для его внедрения» [12, с. 58].

К сожалению, любое послабление со стороны законодателя тут же приводит к злоупотреблению правом. Это, безусловно, не означает, невозможности внедрения в законодательство отдельных положительных достижений англо-саксонской правовой системы с целью дальнейшего развития системы вещных прав. Более того, по нашему мнению, необходимо учесть предложение И. А. Маньковского «об исключении из содержания формально диспозитивных норм окончания “если иное не предусмотрено соглашением сторон...”», что <...> предоставит участникам гражданско-правовых отношений возможность моделирования своих прав и обязанностей в рамках основ гражданско-правового регулирования, создаст правовые гарантии участия в гражданском и, как следствие, экономическом обороте в соответствии с формулой частного права демократического государства “разрешено все, кроме того, что прямо запрещено правовыми нормами”» [22, с. 413]. Такой подход устранил саму возможность неправомерного поведения участников гражданских правоотношений, в том числе отношений собственности, в силу того, что участники сами будут формировать для себя условия обязательства в границах, установленных правовыми нормами. Как следствие, указанные изменения приведут к формированию положительных правовых традиций и правовой культуры в целом.

Пока же «...при всей желанности наличия у нас англосаксонского характера общественных отношений и правоотношений доверительной собственности, с юридической, психологической и культурологических точек зрения внедрение его будет неуместным» [12, с. 58].

Следует отметить, что не все страны англо-саксонской системы права применяют модель «расщепленной собственности».

Так, провинцией Квебек (Канада) при очередной реформе гражданского законодательства не была воспринята идея расщепленной собственности, но при этом подробно были урегулированы отношения, связанные с фидуцией, которую Ю. А. Кондрашова, описывает следующим образом: такая фидуция возникает из акта, в силу которого одно лицо, учредитель, передает из своей имущественной массы в образуемую им иную имущественную массу имущество, которое предоставляется для определенной цели и которым фидуциарный управляющий обязуется в силу факта его принятия владеть и управлять. Фидуциарная имущественная масса, образованная из имущества, переданного в фидуцию, составляет имущественную массу, предназначенную для специальных целей, самостоятельную и обособленную от имущества учредителя, фидуциарного управляющего и выгодоприобретателя, на которую никто из этих лиц не имеет вещного права [23, с. 74]. Таким образом, следует отметить, что описанные выше отношения имеют двойственную природу: с одной стороны имеются черты траста (или доверительной собственности) в части возникновения у фидуциарного управляющего правомочий по владению, контролю и исключительному управлению имущественной массой, сформированной учредителем, в строго определенных им целях, а с другой – такие отношения не опосредуют перехода права собственности на имущество ни к фидуциарному управляющему, ни к выгодоприобретателю. Более того, сам собственник в таком случае утрачивает вещные права на переданное им имущество. Любые сделки в отношении имущественной массы совершаются от имени фидуциарного управляющего и за его подписью.

Из названных характеристик фидуциарных отношений по законодательству провинции Квебек следует, что при возникновении такого рода отношений не происходит «расщепления» собственности, несмотря на то что присутствуют черты траста.

Еще одним примером некоторой правовой трансформации модели расщепленной собственности является доверительное управление, сложившееся в законодательстве Германии. Р. О. Халфина описывает его следующим образом: отношения между собственником и лицом, осуществляющим все функции по управлению имуществом собственника (*treuhandeiigentum*) устанавливаются между доверившим (*treugeber*) и доверенным (*treuhahder*). Собственником может быть либо один из них, либо другой. Их отношения определяются условиями заключенного между ними договора либо иного акта. Их воля определяет также распределение доходов, получаемых в результате деятельности доверенного [24, с. 41]. Таким образом, при такой форме доверительных отношений не обязателен переход права собственности на имущество

от доверившего к доверенному, однако соглашением сторон может быть предусмотрено иное. Кроме того, при такой форме отношений доверенный имеет право на часть полученных доходов от управления имуществом, тогда как услуги доверительного собственника, как правило, безвозмездны.

Подобного рода правовые трансформации позволяют сделать вывод о неумолимом развитии системы вещных прав на чужие вещи, которое происходит благодаря одновременному применению достижений континентальной и англо-саксонской правовых систем.

Следует отметить, что в Российской Федерации была попытка введения в гражданское законодательство института доверительной собственности: 24 декабря 1993 г. Президентом Российской Федерации был принят Указ № 2296 «О доверительной собственности (трасте)» (далее – Указ № 2296). Однако широкого применения его нормы не получили, что и повлекло последующую отмену указанного нормативного правового акта. По нашему мнению, это произошло по причине необдуманной трансформации модели доверительной собственности, сложившейся в англо-саксонской правовой системе, без дальнейшей адаптации полученного результата к применению в российском законодательстве.

Так, согласно п. 3 Указа № 2296 при учреждении траста учредитель передает имущество и имущественные права, принадлежащие ему в силу права собственности, на определенный срок доверительному собственнику, а доверительный собственник обязан осуществлять право собственности на доверенное ему имущество исключительно в интересах бенефициария.

Таким образом, отметим следующее. Модель доверительной собственности, закрепленная в Указе № 2296, имела характерные отличия от схожей модели в англо-саксонской правовой системе, а именно: наличие условия об определенности срока, на который доверительный собственник получает имущество от учредителя, а также особый объект отношений доверительной собственности – имущество и имущественные права. Пожалуй, единственное, что осталось неизменным – это то, как должен осуществляться траст – исключительно в интересах бенефициария, в качестве которого в том числе может выступать сам учредитель.

Следует сказать, что ч. 1 п. 8 Указа № 2296 к предмету договора об учреждении траста было отнесено имущество как существующее в момент заключения договора, так и имущество, которое будет существовать в будущем, в том числе созданное или приобретенное доверительным собственником по основаниям, вытекающим из договора.

Изъятия касались лишь имущества, принадлежащего учредителю в силу иного вещного права, нежели право собственности и имущества, не допускающего обособления от иного имущества, принадлежащего учредителю.

Интересно отметить, что в том же пункте Указа № 2296 было сказано, что к доверительному собственнику наряду с имущественными правами переходят и личные неимущественные права, связанные с имуществом, переданным по договору.

Таким образом, имело место некоторое противоречие ч. 1 п. 8 исследуемого Указа п. 3 того же нормативного правового акта.

Пункт 9 Указа № 2296 усиливал это противоречие, указывая на то, что *все* личные неимущественные права, связанные с переданным в доверительную собственность имуществом, переходят к доверительному собственнику.

Следует указать и на то, что согласно положениям ч. 2 п. 15 исследуемого Указа, доверительный собственник имел право на получение вознаграждения за свою деятельность.

Цель, с которой доверительный собственник должен был осуществлять управление имуществом учредителя, как обязательное условие договора в Указе № 2296 не предусматривалась.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что неоднозначность отдельных составляющих модели доверительной собственности, закрепленной в Указе № 2296, не позволила ей найти широкое применение среди участников гражданского оборота. Более того, такая модель скорее носила характер доверительного управления, которое в несколько измененном виде получило правовое закрепление с принятием Гражданского кодекса Российской Федерации в 1994 г.

Доверительное управление как основание возникновения фидуциарных отношений закреплено в том числе в ГК Беларуси. Оно нашло отражение и в гражданском законодательстве Республики Казахстан, а также иных стран – участниц Евразийского экономического союза.

Согласно п. 1 ст. 895 ГК Беларуси по договору доверительного управления имуществом одна сторона (вверитель) передает другой стороне (доверительному управляющему) на определенный срок имущество в доверительное управление, а доверительный управляющий обязуется за вознаграждение осуществлять управление этим имуществом в интересах вверителя или указанного им лица (выгодоприобретателя). Отдельно указывается на то, что передача имущества в доверительное управление не влечет перехода права собственности на него к доверительному управляющему.

Таким образом, подтверждается отсутствие расщепления права

собственности при возникновении отношений доверительного управления имуществом.

Схожая правовая норма содержится в п. 1 ст. 1012 ГК Российской Федерации, ст. 850 ГК Кыргызской Республики, п. 1 ст. 954 ГК Республики Армения. Интерес представляет ст. 883 ГК Республики Казахстан. Так, в п. 1 ст. 883 ГК Республики Казахстан закреплено положение о том, что при учреждении доверительного управления имуществом доверительный управляющий обязуется осуществлять от своего имени управление переданным в его владение, пользование и распоряжение имуществом, если иное не предусмотрено договором или законодательными актами, в интересах выгодоприобретателя. Следует отметить, что такая формулировка не содержит ограничения доверительного управления по сроку и расширительно трактует правомочия, которые переходят к доверительному управляющему на имущество учредителя.

Тем не менее отсутствие условия о сроке не свидетельствует о бессрочности отношений доверительного управления. Согласно ч. 1 п. 2 ст. 886 ГК Республики Казахстан договор доверительного управления имуществом должен предусматривать срок, на который такой договор заключен.

Особого внимания заслуживают правомочия доверительного управляющего, к которым согласно п. 1 ст. 883 ГК Республики Казахстан относятся владение, пользование и распоряжение. Указанный набор правомочий, по нашему мнению, свидетельствует о том, что доверительный управляющий становится фактическим собственником переданного ему имущества. Тем более что согласно все тому же п. 1 ст. 883 объем правомочий доверительного управляющего может быть ограничен лишь соглашением сторон или законодательными актами. В отсутствие таких изъятий доверительный управляющий наделяется полным объемом правомочий собственника.

Отметим также, что правовые нормы ГК Республики Казахстан, регулирующие отношения доверительного управления, не содержат указания на отсутствие перехода права собственности на переданное имущество к доверительному управляющему.

Исключением является доверительное управление государственным имуществом. Согласно п. 10 ст. 75 Закона Республики Казахстан от 1 марта 2011 г. № 413-IV «О государственном имуществе» в договоре доверительного управления государственным имуществом устанавливаются ограничения доверительного управляющего по распоряжению государственным имуществом. На данное исключение указывает Т. М. Матаев, согласно мнению которого «отличительной особенностью

доверительного управления государственной собственностью является сохранение за государством права собственности на объект. При этом полномочия государства передаются доверительному управляющему не полностью, а лишь в пределах правовых обязательств, позволяющих осуществлять действия над объектом собственности» [32, с. 39].

Гражданское законодательство иных стран – участниц ЕАЭС не предусматривает возможность наделения доверительного управляющего таким широким кругом полномочий.

Например, согласно п. 1 ст. 903 ГК Беларуси доверительный управляющий осуществляет полномочия собственника в пределах, установленных законодательством или договором, а полномочие распоряжения недвижимым имуществом только в случае, если это прямо предусмотрено договором доверительного управления.

Схожая по значению правовая норма содержится в ГК Российской Федерации (п. 1 ст. 1020), ГК Армении (п. 1 ст. 962), ч. 1 п. 2 ст. 859 ГК Кыргызской Республики.

Таким образом, следует отметить, что, если в гражданском законодательстве Республики Беларусь, Российской Федерации, Кыргызской Республики и Республики Армения была сохранена обязательственно-правовая природа отношений по доверительному управлению имуществом, то в гражданском законодательстве Республики Казахстан такие отношения приобрели вещно-правовой оттенок, на что, в частности, указывает Т. Н. Матаев. По его мнению, доверительное управление, согласно законодательству Казахстана, относится больше к вещному праву [32, с. 39].

Учитывая ранее изложенные положения теории расщепленной собственности, можно констатировать, что в Республике Казахстан, по нашему мнению, сложилась новая модель фидуциарных отношений, характеризующаяся наличием признаков такой собственности. Подтверждением тому является ч. 2 п. 1 ст. 886 ГК Республики Казахстан, согласно которой в период действия договора доверительного управления имуществом учредитель доверительного управления не вправе осуществлять какие-либо действия в отношении имущества, находящегося в доверительном управлении, *если иное не установлено законодательными актами Республики Казахстан или указанным договором*. Следовательно, законодатель предоставляет юридически обеспеченную возможность участникам таких отношений «разделить» между собой полномочия в отношении имущества, передаваемого в доверительное управление, а значит, имеет место так называемое расщепление полномочий собственника, характерное для англо-саксонской правовой системы.

Подобного регулирования отношений доверительного управления нет ни в одном гражданском законодательстве стран – участниц ЕАЭС. Например, в ст. 901 ГК Беларуси содержится указание на обособление имущества, находящегося в доверительном управлении, что означает фактический выход такого имущества из владения собственника (вверителя). Аналогичное указание содержится в ст. 1018 ГК Российской Федерации, ст. 856 ГК Кыргызской Республики, ст. 960 ГК Республики Армения.

Кроме того, следует отметить, что в гражданском законодательстве Республики Казахстан, как и в гражданском законодательстве иных стран – участниц ЕАЭС, сохранена владельческая защита прав доверительного управляющего на имущество, находящееся в доверительном управлении, путем подачи виндикационного или негаторного иска (п. 3 ст. 888 ГК Республики Казахстан). Однако нет ни слова о защите таких прав против самого собственника. В таком случае вопрос о применении положений ст. 265 «Защита вещных прав лица, не являющегося собственником» ГК Республики Казахстан к отношениям доверительного управления имуществом остается открытым. Отдельного внимания заслуживает объект доверительного управления имуществом, положения о котором содержатся в гражданском законодательстве Республики Казахстан. Пунктом 1 ст. 885 ГК Республики Казахстан предусмотрено, что объектом доверительного управления может быть любое имущество, *включая деньги*, ценные бумаги и имущественные права, если иное не предусмотрено законодательными актами.

Следует отметить, что в гражданском законодательстве иных стран – участниц ЕАЭС деньги по общему правилу исключены из перечня объектов доверительного управления. Согласно п. 2 ст. 896 ГК Республики Беларусь деньги не могут быть самостоятельным предметом доверительного управления, за исключением случаев, предусмотренных законодательством. К последним отнесено заключение договора доверительного управления денежными средствами с банком или небанковской кредитно-финансовой организацией. Схожая правовая норма содержится в п. 2 ст. 1013 ГК Российской Федерации, п. 2 ст. 955 ГК Республики Армения.

Согласно п. 2 ст. 854 ГК Кыргызской Республики деньги не могут быть объектом доверительного управления, за исключением случаев, когда они:

- находятся только в составе предприятия или другого имущественного комплекса;
- выступают в качестве расчетов по деятельности, связанной с доверительным управлением;

– выступают в качестве средств пенсионных накоплений.

Из сказанного следует, что, несмотря на расширенный перечень оснований, при наличии которых деньги могут быть объектом отношений по доверительному управлению имуществом, законодатель Кыргызской Республики не рассматривает их в качестве полноценного объекта таких отношений.

Отметим также, что согласно положениям ГК Кыргызской Республики из перечня объектов доверительного управления изъяты отдельные предметы, относящиеся к движимому имуществу, и вещи, определяемые родовыми признаками.

Таким образом, учитывая вещно-правовую природу доверительного управления имуществом по законодательству Республики Казахстан, о чем было сказано выше, следует отметить еще одну особенность таких отношений: рассмотрение денег в качестве их полноценного объекта, в отличие, например, от ГК Республики Беларусь, где согласно п. 2 ст. 896 деньги могут быть самостоятельным предметом доверительного управления только в случаях, предусмотренных законом.

Следует отметить, что отнесение денег к объектам вещных прав является весьма дискуссионным. Так, по мнению Е. А. Суханова, объектом вещного права является вещь, имеющая индивидуально определенные признаки [33, с. 17]. Деньги в свою очередь следует отнести к вещам, обладающим родовыми признаками.

Деньги, полагает Л. В. Щенникова, не следует относить к категории объектов вещных прав, а необходимо рассматривать их в качестве вещей особого рода [10, с. 56].

Согласно точке зрения К. И. Скловского, «деньги – это социальность, т. е. принадлежат всему обществу, они не могут принадлежать как объект владения никому (или принадлежат лишь постольку, поскольку не стали еще чистой социальностью)» [34, с. 114].

Между тем в цивилистике существуют и иные точки зрения по данному вопросу.

По мнению В. А. Витушко и И. А. Маньковского, объектами вещного права могут быть как вещи, индивидуально определенные, так и вещи, обладающие родовыми признаками, в случае если совокупность последних индивидуализирована для целей вещного права [7, с. 321; 8, с. 46].

Учитывая особый характер денег как объекта гражданских прав, следует отметить, что признание их в качестве объекта доверительного управления ГК Республики Казахстан является оправданным в силу преобладающей обязательственной природы указанных отношений, однако рассматривать деньги как объект вещных прав не представляется возможным.

Между тем наряду с деньгами к объектам доверительного управления по законодательству Республики Казахстан отнесены имущественные права, что также нетипично для законодательства иных стран – участниц ЕАЭС.

Следует отметить, что к объектам доверительного управления имуществом согласно п. 1 ст. 896 ГК Республики Беларуси, п. 1 ст. 1013 ГК Российской Федерации, п. 1 ст. 955 ГК Республики Армения, п. 1 ст. 854 ГК Кыргызской Республики среди прочего относятся исключительные права.

Заметим, что понятия «исключительные права» и «имущественные права» не тождественны.

Так, по мнению Е. А. Суханова, исключительные права – это вид абсолютных прав на идеальные результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, продукции, работ и услуг, которые существенно различаются как по своим объектам, так и по формам деятельности, в рамках которой они создаются [33, с. 143].

Е. А. Суханов отмечает, что исключительным правам присущ абсолютный характер, который является специфической чертой имущественных прав. Вместе с тем ученый не отождествляет данные группы прав по причине невозможности прямого применения правомочий собственника в отношении объектов исключительных прав, а именно нематериальных результатов.

Как указывает Л. В. Щенникова, следует различать права вещные и исключительные, в силу того, что объекты исключительных прав, такие, например, как результаты интеллектуальной деятельности, имеют особые черты, наличие которых не позволяет их рассматривать в качестве разновидностей вещей [10, с. 48–49].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что имущественные права по общему правилу не признаются объектом вещных прав, а их правовая природа характерна для прав, носящих обязательственный характер. Однако, учитывая вещно-правовую природу доверительного управления имуществом, согласно положениям ГК Республики Казахстан отнесение имущественных прав к его объектам, по нашему мнению, позволяет говорить о расширении круга объектов вещного права путем отнесения к таковым прав, носящих имущественный характер.

Таким образом, следует отметить, что, если позиция ученых-цивилистов по поводу объекта вещных прав ясна: им признается вещь, имеющая индивидуально-определенные признаки, то позиция законодателя ни так очевидна, что характерно не только для Республики Казахстан, но и для иных стран – участниц ЕАЭС.

Например, согласно п. 1 ст. 210 ГК Республики Беларусь собственнику принадлежат правомочия владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Напомним, что в соответствии со ст. 128 указанного Кодекса, под имуществом следует понимать вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права. Из чего следует, что на основании п. 1 ст. 210 ГК Республики Беларусь в качестве объекта вещных прав, наряду с вещью, может быть признано иное имущество, включая имущественные права.

Схожая по содержанию норма содержится в п. 1 ст. 209 ГК Российской Федерации, п. 1 ст. 222 ГК Кыргызской Республики, п. 1 ст. 163 ГК Республики Армения, п. 1 ст. 188 ГК Республики Казахстан.

Между тем следует отметить, что согласно п. 2 ст. 115 ГК Республики Казахстан под имуществом следует понимать имущественные блага и права, к которым относятся: вещи, деньги, в том числе иностранная валюта, финансовые инструменты, работы, услуги, объективированные результаты творческой интеллектуальной деятельности, фирменные наименования, товарные знаки и иные средства индивидуализации изделий, имущественные права и другое имущество.

На основании изложенного мы приходим к выводу, что традиционный подход к правомочиям собственника, или «триада», себя изжила. В современных условиях развития общественных отношений, в частности отношений собственности, развития информационных технологий и становления цифровой экономики, с появлением новых объектов гражданских правоотношений следует признать юридически обоснованную необходимость определенного «дробления» традиционных правомочий собственника (владения, пользования, распоряжения) и проработки механизма перехода получившихся в ходе такого дробления правомочий к другим субъектам гражданского оборота.

За основу такого «дробления» представляется возможным принять положения теории «расщепленной собственности», получившей закрепление в англо-саксонской правовой системе, с учетом положительного опыта ее трансформации отдельными европейскими странами и странами североамериканского континента.

Между тем любые изменения должны носить обдуманый и планомерный характер, чтобы последствия таких изменений были положительными. Более того, следует отметить, что результаты, полученные отдельными странами постсоветского пространства (Российской Федерацией и Латвийской Республикой) по развитию фидуциарных отношений, себя не оправдали. И причин тому может быть несколько.

Основной следует признать неготовность участников гражданских правоотношений к абсолютно доверительным отношениям. К такому

уровню взаимодействия нам следует еще прийти. Однако уже сейчас, в условиях укрепления интеграционных процессов, следует отметить наличие нового подхода к регулированию подобного рода отношений, закрепленного в ГК Республики Казахстан.

Такой подход нельзя назвать трансформацией теории расщепленной собственности, но можно говорить об изменении правовой природы отношений доверительного управления, что, по нашему мнению, позволяет без введения в действие дополнительных правовых норм регулировать подобные отношения.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что в гражданском законодательстве Республики Беларусь назрела необходимость изменить традиционный подход к содержанию права собственности. Изменение такого подхода автору представляется возможным через применение отдельных положений теории расщепленной собственности и расширение перечня объектов вещно-правовых отношений.

Список использованных источников

1. Рубанов, А. А. Проблемы совершенствования теоретической модели права собственности / А. А. Рубанов // Развитие советского гражданского права на современном этапе / отв. ред. В. П. Мозолин. – М. : Наука, 1986. – С. 77–114.
2. Венедиктов, А. В. Государственная социалистическая собственность / А. В. Венедиктов. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. – 839 с.
3. Толстой, Ю. К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР / Ю. К. Толстой ; отв. ред. О. С. Иоффе. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1955. – 219 с.
4. Иоффе, О. С. Советское гражданское право / О. С. Иоффе. – М. : Юрид. лит., 1967. – 494 с.
5. Алексеев, А. А. Право собственности. Проблемы теории / С. С. Алексеев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2008. – 240 с.
6. Гражданское право : актуальные проблемы теории и практики / под ред. В. А. Белова. – М. : Юрайт-Издат, 2007. – 993 с.
7. Витушко, В. А. Гражданское право : учеб. пособие : в 2 ч. / В. А. Витушко. – Минск : Беларус. наука, 2007. – Ч. 1. – 565 с.
8. Гражданское право. Общая часть : в 3 т. / И. А. Маньковский, С. С. Вабищевич. – 2-е изд., стер. – Минск : Междунар. ун-т «МИТ-СО», 2016. – Т. 3 Личные и вещные права. – 392 с.
9. Гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : БЕК, 1998. – Т. 1. – 816 с.

10. Щенникова, Л. В. Вещное право : учеб. пособие / Л. В. Щенникова. – Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 2001. – 240 с.
11. О модельном законе «О праве собственности и его защите» [Электронный ресурс] : постановление Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, 17 мая 2012 г., № 37-9 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
12. Витушко, В. А. Историческое предназначение производных вещных прав в развитом обществе / В. А. Витушко // Актуальные проблемы гражданского права. – 2017. – № 1 (9). – С. 43–61.
13. Витушко, В. А., Правовое регулирование рынка недвижимости в англосаксонском и англо-американском праве (на примере Турецкой Республики Северный Кипр) / В. А. Витушко, О. В. Витушко. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2014. – 100 с.
14. Куликова, А. А. Право оперативного управления как правовая форма расчлененной собственности / А. А. Куликова // Альманах современной науки и образования. – 2014. – № 11. – С. 90–92.
15. Макушева, А. И. Право оперативного управления в системе вещных прав / А. И. Макушева // Вестник магистратуры. – 2016. – № 11-2. – С. 169–173.
16. Аксенова, О. В. Цивилистическая модель права собственности: проблемы модернизации / О. В. Аксенова // Современные тенденции развития гражданского и гражданско-процессуального законодательства и практики его применения. – 2016. – № 3. – С. 12–19.
17. Петров, Д. В. Право оперативного управления и право хозяйственного ведения в системе вещных прав : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Д. В. Петров. – СПб., 2002. – 270 л.
18. Суханов, Е. А. О понятии и видах вещных прав в российском гражданском праве / Е. А. Суханов // Журн. рос. права. – 2006. – № 12. – С. 42–50.
19. Малиновский, Д. А. Актуальные проблемы категории субъективного вещного права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Д. А. Малиновский. – М., 2002. – 149 л.
20. Тамбовцева, Т. Формирование разделенной собственности на недвижимость в Латвии / Т. Тамбовцева, Р. Мускате // Современные проблемы управления проектами в инвестиционно-строительной сфере и природопользовании : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию кафедры управления проектами и программами / Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова; редкол.: В. И. Ресин. – М., 2016. – С. 238–244.
21. Топская, А. Д. Общие черты и различия отношений довери-

тельного управления и доверительной собственности / А. Д. Топская // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика : материалы ежегодной Междун. науч. конф. памяти проф. Ф. М. Рудинского / Юридический ин-т Московского городского педагогического ун-та; под общ. ред. Д. А. Пашенцева. – Рязань, 2016. – С. 557–559.

22. Маньковский, И. А. Нормативная модель гражданско-правового регулирования: проблемы формирования, толкования и применения : моногр. / И. А. Маньковский. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. – 486 с.

23. Кондрашова, Ю. А. История траста – доверительной собственности / Ю. А. Кондрашова // Вестн. Московского государственного лингвистического ун-та. – 2007. – № 534. – С. 67–77.

24. Халфина, Р. О. Цивилизованный рынок: правила игры : учеб. пособие / Р. О. Халфина. – М. : Гуманитарное знание, 1993. – 138 с.

25. О доверительной собственности (трасте) [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 24 дек. 1993 г., № 2296 / Некоммерческая интернет-версия «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2948/. – Дата доступа: 28.04.2018.

26. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

27. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] / Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/0cc570be9e0effcaa271f91bc50df99791b6c774/. – Дата доступа: 28.04.2018.

28. Гражданский кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс] / Централизованный банк правовой информации Кыргызской Республики. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/4>. – Дата доступа: 28.04.2018.

29. Гражданский кодекс Республики Армения [Электронный ресурс] / Законодательство стран СНГ. – Режим доступа: **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.** – Дата доступа: 26.04.2018.

30. Гражданский кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] / Информационно-правовая система «Әділет». – Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_. – Дата доступа: 26.04.2018.

31. О государственном имуществе [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан, 1 мар. 2011 г., № 413 IV // Информационная система

«ПАРАГРАФ». – Режим доступа: [http://online.zakon.kz/ Document/?docid=30947363#pos=0;0&sdoc_params=text%3D](http://online.zakon.kz/Document/?docid=30947363#pos=0;0&sdoc_params=text%3D). – Дата доступа: 02.05.2018.

32. Матаев, Т. М. Доверительное управление как форма взаимодействия государственного и частного секторов в Республике Казахстан / Т. М. Матаев // Вестн. ун-та Туран. – 2014. – № 4. – С. 36–42.

33. Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : БЕК, 1998. – Т. 2 : Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права. – 816 с.

34. Скловский, К. И. Собственность в гражданском праве / К. И. Скловский. – 5-е изд., перераб. – М. : Статут, 2010. – 893 с.